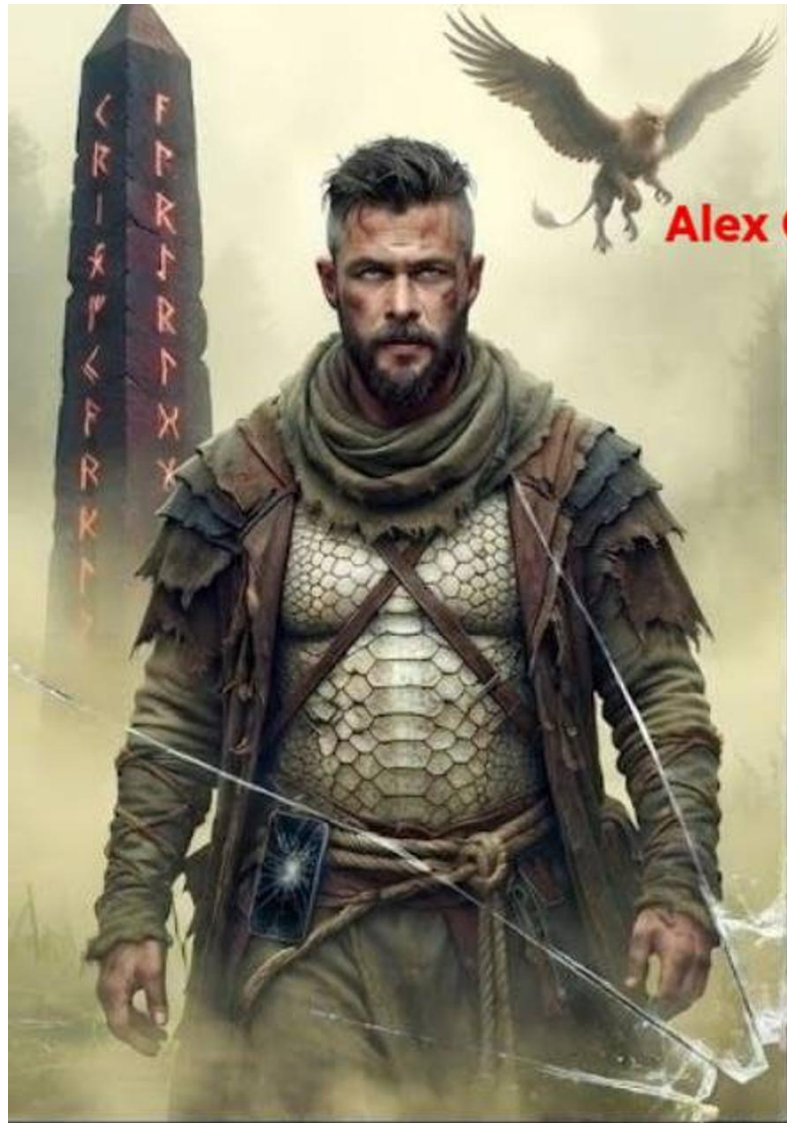
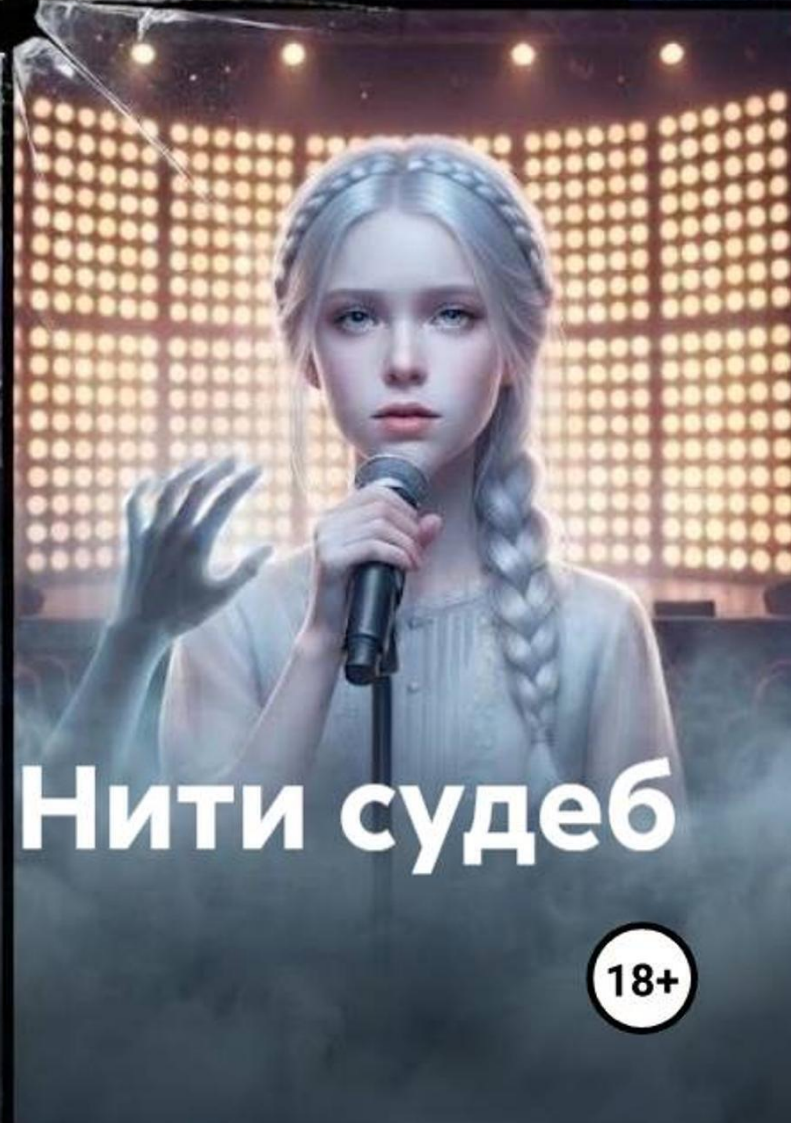
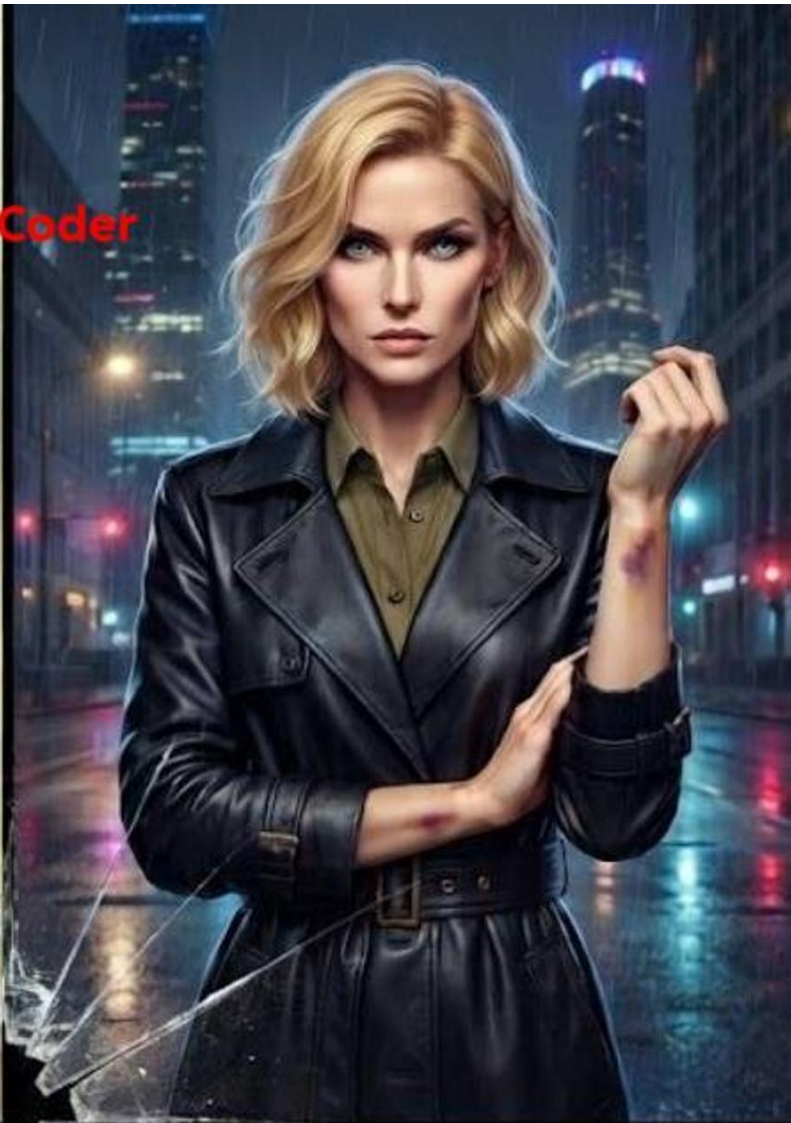

Alex Coder

Агроном 4: Нити судеб

18+

Alex Coder

Агроном 4: Нити судеб

«Автор»

2026

Coder A.

Агроном 4: Нити судеб / А. Coder — «Автор», 2026

В Москве 2026 года тайная война за технологию века выходит на финишную прямую. Следователь поневоле Лена и спасенная из плена Милада прорываются в съемочные павильоны «Главкино» на прямой эфир суперфинала. Они еще не знают, что под ярким светом телесофитов захлопывается гигантский капкан. Сюда стянулись все. Цена формулы, способной воскресить мертвые земли континента, измеряется жизнями, и один неверный шаг превратит телевизионный праздник в бойню. Но когда напряжение в XXI веке достигает точки невозврата, а голоса финалистов пробивают невидимый барьер между мирами. Там, в сырых карстовых оврагах, Инженера ждет собственная битва: смертоносный ядовитый туман Святилища Отреченных, древний рунный обелиск, требующий уплаты кровного долга, и надвигающийся с востока ледяной вал Великой миграции Гуннов. Чтобы спасти созданный им каменный оазис цивилизации от голода и пепла, Агроному придется взять судьбу за горло. Две эпохи. Один человек. И правда, за которую придется заплатить сполна.

© Coder A., 2026

© Автор, 2026

Alex Coder

Агроном 4: Нити судеб

Чай с чабрецом и отказ от врачей

В избе Варвары Ильиничны пахло сушеной мятой, топленным молоком и потрескивающими в печи березовыми дровами. Этот густой, мирный дух жилого дома действовал на разорванные нервы лучше любого успокоительного.

Милада сидела на широкой деревянной лавке, укутанная в тяжелый колючий оренбургский платок. Перед ней стояла большая глиняная кружка с крепким травяным взваром, в который бабушка Андрея щедро плеснула малинового варенья и меда. Руки женщины, покрытые багровыми ссадинами от веревок, все еще мелко дрожали, но в глазах уже не было того дикого, загнанного взгляда из подвала.

Фельдшер из районной «скорой», приехавшей вместе со следователями, долго уговаривал ее поехать в больницу: — Женщина, у вас обезвоживание, компрессионные следы на конечностях, гипертонический криз. Надо в стационар, под капельницу хотя бы на пару дней! Но Милада наотрез отказалась. Она твердо взяла ручку и размашисто расписалась на бланке отказа от госпитализации. — Ни в какую больницу я не поеду, — отрезала она пересохшим голосом. — В четырех казенных стенах я сейчас с ума сойду. Мне просто нужно согреться и прийти в себя.

Врачи развели руками, обработали ей запястья антисептиком, вкололи обезболивающее с легким седативным и уехали, оставив на столе упаковку глицина и бинты.

Лена сидела напротив, на табурете, не выпуская из пальцев остывающую чашку. Обе женщины молчали. Между ними не было неловкости или соперничества — общее горе и общая смертельная опасность стерли все городские предрассудки. — Спасибо тебе, Лена, — тихо, глядя на мерцающий огонек в печной заслонке, произнесла Милада. — Если б не ты и не Варвара Ильинична... Я бы из того погреба живой не вышла. Тот второй, в маске... Он ведь не шутил. У него в глазах была смерть, пустая и спокойная, как у мясника.

— Не благодари, — покачала головой Лена, прикрыв ладонью запястье, под которым затаил пульсирующий синяк. — Мы вытащили тебя чудом. Андрей спрятал записку в своей старой квартире на Преображенке. Он даже в бреду пытается всех нас прикрыть. Милада горько усмехнулась, отпивая горячий чай: — Он всегда такой был. Молчит, злится, строит из себя гранитную скалу, а сам за всех жилы рвет. Дура я была, Лена. Настоящая дура, что хлопнула дверь в ту пятницу.

Варвара Ильинична подошла сзади, тяжело опершись на свою дубовую трость, и по-матерински положила сухую теплую ладонь на плечо беглянки: — Будет тебе каяться, дочка. Живая осталась — и слава Богу. А вину свою потом, перед Андрюшей искупать будешь, когда он глаза откроет. Отлеживайся. Здесь вас никто не тронет, пока старая полиция деревню прочесывает.

Инстинкт волка (Провал у оврага)

В пяти километрах к югу от Горохова, на заброшенной лесовозной развилке среди сосняка, стоял темный «Патриот».

Касим сидел на водительском кресле, не включая зажигания. В салоне было холодно. Он дал Кудису сорок восемь часов, чтобы попытаться выбить из Милады хоть какую-то зацепку, но профессиональное чутье полевого оперативника с каждой минутой свербило всё сильнее. На войне в Леванте он выжил только благодаря одному правилу: *если ситуация кажется неправильной, она уже катастрофична*.

Кудис был психопатом. Неуправляемым, фанатичным сектантом, ослепленным собственным уязвленным эго. Оставлять такого человека один на один с заложницей на двое суток в глухой провинции без прямого контроля — было тактической ошибкой. Если этот бородатый идиот сорвется и убьет женщину раньше времени, они потеряют даже призрачный шанс найти выход на резервные копии формулы.

Касим повернул ключ в замке. Дизель мягко заурчал. Он решил вернуться в дом лесничего раньше срока.

Спустя пятнадцать минут внедорожник, осторожно переваливаясь через глиняные ухабы, с выключенными фарами подкрался к опушке перед оврагом. Касим заглушил двигатель за двести метров до забора, достал армейский монокуляр ночного видения и бесшумно вышел из машины, укрывшись за толстым стволом сосны.

Одного взгляда в окуляр было достаточно, чтобы челюсти сирийца сжались до скрежета зубов.

Вся усадьба лесничего светилась красно-синими всполохами проблесковых маяков. У разбитой калитки стояли две патрульные «Лады» и гражданская «Гранта» Следственного комитета. Во дворе горели мощные переносные прожекторы. Несколько оперативников в куртках с надписью «ЭКЦ МВД» прочесывали бурьян металлоискателями, эксперт с фотоаппаратом фиксировал следы шин на въезде, а вокруг дома уже была натянута желтая полосатая лента: **«ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ. ВХОД ВОСПРЕЩЕН»**.

Из дома под конвоем двух автоматчиков как раз выводили участкового Федора — в разорванном кителе, с перевязанной окровавленной головой, орущего что-то бессвязное в сырое небо.

«Провал. Тотальный провал», — ледяной мыслью обожгло мозг наемника.

Операция была сожжена дотла. База раскрыта, местный прикормленный полицейский взят с поличным, заложница освобождена. Как? Кто мог выйти на эту глухую точку за считанные часы? Шведская разведка в Стокгольме сочтет это грубейшей ошибкой резидента.

Касим медленно, шаг за шагом, не поднимая шума, начал отступать вглубь леса к своему автомобилю. Паники не было — в нем включился режим хладнокровной кризисной зачистки.

Милада не знала формулы — в этом он убедился лично во время допроса. Сама по себе девка была пустышкой. Но Кудис... Кудиса среди задержанных не было. Касим внимательно пересчитал людей во дворе: следователь, двое понятых, трое оперов, участковый. Сектант либо успел уйти огородами в лес до приезда следственной группы, либо прятался где-то в округе.

И это делало бородатого фанатика смертельно опасным. Если Кудиса возьмет ФСБ, старик споет всё: и про шведские деньги, и про человека в маске, и про интерес к Вершинину. С другой стороны, Кудис был единственной живой собакой, знавшей каждую трещину в окружении Милады.

Касим сел за руль, заблокировал двери и достал из кармана разовый телефон без сим-карты, работающий через прямой радиомодем на закрытой частоте. Этот резервный передат-

чик он лично всучил Кудису перед отъездом с инструкцией: *«Включать только в случае катастрофы»*.

Трубка ожила через четыре длинных гудка. В динамике послышалось тяжелое, прерывистое дыхание человека, бегущего по мокрому бурелому.

— Г-господин?... — раздался сдавленный, панический шепот сектанта. — Облава! Там менты! Они взяли Федьку! Девка ушла!

Касим заговорил. Его голос был тихим, ровным и страшным, словно лезвие бритвы у сонной артерии: — Я вижу ментов, Кудис. Я стою в трехстах метрах от дома. И я вижу, как бездарно ты слил всю операцию.

— Это не я! Клянусь, это не я! — задышался в трубку сектант, где-то на заднем плане хрустели ветки. — Федор пришел... а девки уже вылезли! Кто-то помог ей!

— Заткнись и слушай меня, старик, — ледяным тоном отчеканил сириец, сжимая руль. — Ты облажался. Твой участковый сейчас сдает тебя следователям поминутно. Твой дом оцеплен. Ты вне закона, у тебя нет денег, и через два часа ориентировки с твоей рожей будут на каждом посту ДПС от Твери до Москвы. Ты понимаешь, что ты труп?

— Помоги мне... Вывези меня! Ты же обещал документы! — в голосе Кудиса зазвучала рабская, скулящая мольба сломленного зверя.

— Я вывезу тебя только на одном условии, — Касим прищурился в темноту леса. — Ты будешь сидеть под корягой и ждать моих указаний. Милада ничего не знала о разработках, но Вершинин оставил зацепки где-то в другом месте. Ты знаешь её привычки, ты знаешь её окружение. Ты найдешь мне этот след, Кудис. Ты будешь рыть носом землю, как моя цепная собака, пока я не скажу «хватит». Если дернешься или попытаешься сбежать сам — я лично сдам твои координаты антитеррористическому центру через пять минут. Ты меня понял?

— Понял... Я всё сделаю, господин, только не бросай... — просипел сектант.

— Жди сигнала у старой водокачки на разъезде через три часа. И молись, чтобы тебя не заметил ни один патруль, — отрезал Касим и сбросил вызов.

Он вытащил батарею из телефона, аккуратно убрал его в карман и повернул ключ зажигания. Фронт рушился. Время дипломатических игр кончилось. Раз Милада оказалась тупиком, а за спиной замаячили мигалки МВД, у Касима оставался единственный путь: возвращаться в Москву и вскрывать окружение Вершинина на месте, пока русская контрразведка не связала разгром в Горохове с комой инженера в Склифе. Игра переходила в открытую фазу.

Песня для титана

Сумерки за окнами избы Варвары Ильиничны сгустились, укутав деревню мягким синим покрывалом. Напряжение после налета оперов и ареста участкового Федора медленно отступало, оставляя после себя лишь звонкую, выматывающую усталость.

В просторной горнице мерно потрескивали угли в печи. На столе остывал свежесваренный чайник с мятой и смородиновым листом. Милада, все еще бледная, сидела на лавке, укутавшись в шерстяной платок, и медленно грела озябшие пальцы о глиняную кружку. Чтобы не дать женщине провалиться в липкий ужас пережитого подвала, Лена и бабушка говорили обо всем подряд: о видах на урожай яблонь, о капризах майской погоды, о Сашке с Машей, оставшихся в Москве. Простые, бытовые слова служили спасительным бинтом для израненных нервов.

— Ой, девоньки, совсем из головы вылетело! — вдруг спохватилась Варвара Ильинична, взглянув на старые настенные ходики с кукушкой. — Пятница же! Девять вечера! Там передача эта... по телевизору, где стена из ста человек сидит и песни слушает. Включить надо!

Старушка подошла к тумбочке в углу и щелкнула тумблером небольшого, но современного телевизора. Экран моргнул синевой, наполнив тишину избы праздничным гулом аплодисментов и огнями софитов телеканала «Россия-1». Шло популярное вокальное шоу «Ну-ка, все вместе!».

— Бабушка, вам сейчас до концертов? — слабо улыбнулась Милада, пытаясь поддержать разговор.

— Да не до концертов мне, Милочка, — Варвара Ильинична оперлась на свою верную дубовую трость, и в ее морщинистых глазах блеснула гордость. — Там же Руточка наша выступать должна! Рута! Соседка со слободки, сиротка местная. Ей семнадцать только стукнуло.

Лена замерла, кружка в ее руках чуть дрогнула: — Рута? Андрея знакомая?

— Да не просто знакомая! — закивала старушка, присаживаясь к столу. — Андрюша, когда деда хоронить приезжал в январе, с ней на речке случайно столкнулся — она там пробы воды брала для школьного кружка. Разговорились. Так он потом в избу влетел, глаза горят: «Бабушка, да она же самородок! У девчонки врожденное, феноменальное чутье на химию и биологию!». Они потом на этой самой кухне до трех часов ночи сидели, формулы на салфетках чертили, спорили про какие-то реакции, я и слов таких не слыхивала. Андрюша сам вызвался ей помочь. Сказал, грех такому таланту в деревне гнить. Нашел своего старого профессора из Менделеевского университета в Москве, договорился, чтобы тот её подтянул по органической химии перед вступительными, взял под крыло. Они даже в Москву вместе ездили в феврале, на консультацию к преподавателю, чтобы она после школы сразу подала документы на бюджет!

Варвара Ильинична тепло улыбнулась воспоминаниям: — А потом звонит мне Андрюха из столицы, смеется в трубку: «Представляешь, баба Варя, мы по Арбату гуляли, она караоке-бар увидела, застенялась, но зашла спеть. Так там посетители вилки уронили! У нее голос — чисто хрусталь звенящий!». Он сам за руку отвел её на прослушивание этого шоу, анкету помог заполнить, на кастинг протолкнул...

На экране телевизора в этот момент затихли фанфары. Огромная стоместная стена экспертов — певцов, продюсеров и преподавателей вокала — замерла в ожидании.

Камера взяла крупный план сцены. В лучах холодных белых прожекторов стояла девушка. Очень тонкая, хрупкая, с неестественно белой, прозрачной кожей и пепельно-платиновыми, почти белоснежными волосами, уложенными в скромную косу. В ее облике было что-то неземное, отрешенное, словно она сошла со старинной фрески. Большие, глубокие глаза смотрели в зал с пронзительной, обнаженной тоской.

Ведущий шоу шагнул к микрофону, его торжественный голос затих, уступая место уважительной паузе: — А сейчас на нашей сцене семнадцатилетняя Рута из Тверской области. Удивительный случай для нашего проекта: сегодня конкурсантка исполнит песню собственного сочинения. Она посвящает её человеку, который стал для нее учителем, опорой и проводником в жизнь... Своему другу, который сейчас борется с тяжелой болезнью. Рута, мы слушаем вас.

В студии погас лишний свет. Зазвучали первые, тревожные и чистые аккорды акустической гитары и виолончели.

Девушка прикрыла глаза, поднесла микрофон к губам, и зал накрыл запредельный по своей чистоте, срывающийся на нерве голос:

(Вступление) (А-ааа...) В тумане берег, скалы спят, Свет башни режет мглу. Я помню каждый твой обряд, Присяду на углу...

Куплет 1 Ты в кузнице ковал рассвет, А я несла зерно. Для всех вокруг преграды нет, Мне — страшно и темно. Твой голос — сталь, твой взгляд — гранит, Ты старше и мудрей. Но сердце под косой горит, В плену твоих дверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.